

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ТАТЬЯНА КАЙСАРОВА

ПОЛЁТЫ В МЕТЕЛЬ

Стихотворения

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2015

Кайсарова Т. М.

ПОЛЁТЫ В МЕТЕЛЬ. Стихотворения.

М.: Вест-Консалтинг, 2015. – 40 с.

ISBN 5-86676-101-7

Кайсарова Татьяна Мартиновна — поэт, журналист, критик, художник. Окончила художественно-графический факультет Государственного педагогического университета.

Член Союза писателей России (с 1999 г), Союза литераторов России (1999), Международного Союза журналистов (2001).

Государственный стипендиат по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусства» (2002–2004), Лауреат литературных премий «СЛОВЕСНОСТЬ» (2008) и А. С. ГРИБОЕДОВА (2009), награждена медалью А. С. Грибоедова (2009).

Член Высшего художественного Совета Союза писателей XXI века и Редакционного Совета независимого литературно-художественного журнала «Поляна».

С 1997 г. — сотрудник Центра СМИ МГУ им М. В. Ломоносова.

Стихи публиковались в периодике: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературные известия», «Москва», «Диалог», «Поэзия», «МОЛ», «Русский колокол», межконтинентальный журнал «Грани», «Дети Ра», «Зинзивер», а также в альманахах: «У Никитских ворот», «Цветы большого города» МО СПР, «В поисках времени», «Словесность» СЛРФ и во многих поэтических сборниках, в том числе: «Женское счастье» СПР и «Вечерний альбом» изд-ва «Современник».

Автор 14 поэтических книг и более 100 статей по литературе и искусству, опубликованных в различных периодических изданиях.

В книгу Т. Кайсаровой серии «Визитная карточка» вошла ее новая поэма «Вне зоны времени» и избранные стихи разных лет.

В оформлении обложки использован коллаж
Татьяны Виноградовой «Метель».

© Кайсарова Т. М., текст, 2015

© Союз литераторов России, идея издания, 2015

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2015

МОЁ ПОНИМАНИЕ ПОЭЗИИ

Отдельные слова, несущие разную смысловую нагрузку и вызывающие различные абстрактные или конкретные образы, будучи соединенными поэтом в стихотворную строчку, приобретают гораздо больший смысл и значение, чем простая совокупность отдельных слов.

Вопреки всем законам математики, значение стихотворной строки вовсе не равно сумме значений составляющих её слов.

Душа синтезирует из отдельно взятых слов качественно новый смысл.

Трепетная душа поэта наполняет жизнью разрозненные слова повседневной бытовой лексики, создавая из них неповторимые фантастические сочетания, влияющие на понимание смысла человеческого существования.

Некоторые люди абсолютно глухи к поэзии. Почему? Потому что душа и сознание у них существует порознь, и не соединяются даже под воздействием уникальных стихотворных строк. Для таких людей порой даже гениальные стихи — бессмысленный набор слов.

Моё сознательно-подсознательное освоение мира — это духовно-творческое созидание (поэзия), активно влияющее на понимание жизни.

Поэзия становится для меня потенциальной психологической защитой в этом крайне беспокойном мире.

Открывая скрытые в подсознании источники глубинного «Я», именно поэзия делает доступными, ранее неизвестные мне смыслы и явления.

Т. Кайсарова

ИВАН-ЧАЙ

Чаётся, теснится Иван-чай,
клонится, колышется и длится,
будто вся российская печаль
от его цветенья растворится.

Тянется сиреневый дымок
вдоль дорог — и манит причаститься.
Истина таится между строк —
Иван-чай над пропастью дымится.

Где-то у забытого ключа,
где у вяза сломана ключица,
Иван-чаю некому кричать,
в стылом небе некому молиться.

И плывёт Россия сквозь века
в розовом дурмане Иван-чая —
вечная небесная река
берега незримые качает.

ЗАПАХ ИЮЛЯ

Запах июля. Выцветший ветер.
Белое солнце — душа нараспашку.
Память сгорит, и никто не заметит,
в царственной ауре льна и ромашек.

Не опечалишься, даже невольно,
дни улетят незаметно и немо.
Не согреваются тёмные волны,
белые ночи погасли, как не было!

Синие ягоды в белой соломе
быстро чернеют ночами осенними...
Буду ль жалеть о промолвленном слове,
том безысходном, напрасном, потерянном?

Не пожалею. Что сказано — сказано!
Было и не было в зеркале памяти.
Тонкую нитью навеки повязано:
светлое, страстное, тёмное, разное...

МУЗЫКА

Чашу невозможного тепла
опрокинь, зардевшееся небо,
нам ещё видны, сквозь нити вербы,
сонных вод тугие зеркала.

Воздух просит музыки, и вечер,
в сумерки вливая серебро,
дышит сотворением миров
из дымков, дыхания и речи.

Уведи нас, музыка, окутай,
раствори и снова сотвори...
Твой летящий отзвук воспарит
сквозь века и краткие минуты.

ШОПЕН

Шопен! Так больно... Отпусти.
Ты доказал — любовь бессмертна!
Тень отзвуков в моей горсти
так откровенна...

 Так безмерна
разлуки тёмная тоска,
что майские ветра напрасно
в безбрежье ищут берега
ежеминутно, ежечасно...

АРЛЕКИН

Что ты нежное шепчешь, играя с судьбой, Арлекин,
глупой мышкой следя за смещением смыслов и точек,
всякий раз замирая у каждой удачной строки
и совсем позабыв о летящей стремительно ночи.

Мы одни — не одни. Мы совпали с тобой, Арлекин,
в полудиком саду разноцветной листвы уходящей,
и поблекшей травы, и поющих осанну осин,
в этой осыпи с неба — больной, морозящей, щемящей.

Но когда ты коснёшься невнятным движением руки
невзначай моих пальцев, то вздрогнув от счастья и боли,
я готова упасть в приоткрывшие бездну зрачки
и навечно остаться в своей добровольной неволе.

НУ ЧТО, КОРОЛЬ?

Ну, что, Король? Поверь такая ночь
могла бы быть, по тайному желанью,
твоей. И не иметь названья,
числа и года, месяца и дня...
Но пусть же будет, если ты не прочь,
теперь она такую для меня.
Ты сам пришел. И зная, что мне люб,
дарил огонь и ласку нежных губ,
а руки, проходящие сквозь тело,
ловили звёзд горячие лучи
и обжигали. Я сгореть хотела
дотла. Ты прошептал: «Молчи»,
я промолчала, а Любовь сгорела.
Ну, что ж, Король...

СТИХИ (*Сонет*)

Бесстрастно наблюдаю смену дней.
Здесь холод и тепло — в одном циклоне.
Чем дальше от зимы, тем холодней...
Апрель ещё задержится на склоне,

чтоб присмотреться, что же там на дне —
в какой воде янтарный диск утонет
и на какой осядет глубине,
и задымится, и лавину стронет?

И рифмы разлетятся, зазвонят,
зашепчутся о чём-то непонятном...
И, как в бреду, вдруг зазвучат невнятно

стихи — так обольстительно легки,
так бесполезны и невероятны,
как странного растенья лепестки.

* * *

Может быть, вечер, может быть, вечность
гасит и гасит огни,
время летящего что быстротечность.
Тщетно подсчитывать дни!

Сизой струящейся дымкой одетый
лес пропадает вдали.
Крикнула птица полночная где-то
за горизонтом земли...

Крикнула птица, льётся водица
из тайников родника...
Чувствую, тайное что-то приснится,
только не спится пока.

* * *

Какая тьма! Вершится полночь.
Луна уже в других мирах...
Опомнись, поздно звать на помощь —
не нами выбрана игра!

Не я пронзаю время криком,
не ты отпрянул от огня,
но в мифотворчестве великом
найдётся место для меня...

И для тебя, пока ты рядом,
пока нетленной вязью слов
мы связаны одним обрядом,
хранящим древнее тепло.

Тепло поляны ледниковой,
где запах хвои и смолы
к великой полночи прикован
и растворён в тенетах мглы.

Замри и жди. На кромке лета
пускай колдует тишина...
Превыше Ветхого завета
когда-нибудь взойдёт луна...

И мы расстанемся. У света,
что растворяет накипь снов,
напрасно не ищи ответа...

Как воздух чист и бор соснов!

* * *

Когда превыше всех касаний
касание наших губ и рук,
когда дыхание и дыхание —
в одном, и невозможен звук,

когда рука ласкает руку —
душа впадает в забытьё,
соединив любовь и муку,
продлив причастие моё

к великой магии забвенья,
к неслыханному торжеству
невероятного мгновенья,
в котором плачу, но живу.

В котором, это точно знаю,
молчанье выбрано не мной,
и середина золотая
в той ипостаси золотой,

откуда проникают токи,
пронзая мысли и тела,
откуда вдруг приходят строки,
и правит магия числа.

И миражи, и сны оттуда,
где неразлучны День и Ночь.
Подаренное небом чудо
никто не в силах превозмочь!

ЭТО ТОЛЬКО ВОДА

Это только вода, что смыкается с небом на воле.
Это только звезда, что, мерцая, летит к берегам.
Я навеки твоя, как себя позабывшее поле,
сплю в рассветной росе, отпускаю на волю стога.

Задыхаюсь туманом, глотая ночную прохладу...
В безымянном просторе плывут надо мной облака.
Я навеки твоя — никуда торопиться не надо,
даже тайну разлуки уже разгадала строка.

А когда ты вернёшься — я буду немой и покорной,
будет полдень — подтянутся тени к стволам...
Мы до красной луны, что на небе появится чёрном,
не очнёмся от счастья, судьбой отведенного нам.

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На стенах отсвет розового детства,
и тени яблонь наискось легли,
как прописи вселенского наследства
и таинства родительской любви.

Пью чай и вижу каждое движение —
и всплеск воды, и поворот цветка...
Здесь запахов июльских наважденье
витают где-то в недрах потолка.

Магическими гранями стакана
полёт секунд берусь остановить,
легко сместив понятия поздно, рано...
Всё было, будет и могло не быть.

Чуть обернусь, и блюдечко с вареньем
подвину взглядом, чтоб была видна
трехмерности привычная волна
уже в моём, четвёртом измеренье.

* * *

Кого спасает чай вечерний,
когда темно, кругом ни зги,
от глянцевого полночной черни
и от печали ностальгий

по времени, когда всё было,
как не было, как не пришло,
по времени, что нас забыло
или в пространстве не нашло?..

Чего же нам бояться, мой
поверенный в делах сердечных,
здесь, на окраине земной,
среди путей земных и млечных,

вдали от сумрачных столиц,
от вспышек зависти досужих,
где даже разговоры птиц
переводить уже не нужно...

Давай останемся с тобой
вдвоём — до нового рожденья.
Туман густеет голубой,
плывёт, а словно без движенья...

МОТЫЛЬКИ

В моих ладонях таяло волнение,
как хрупкий лёд с прожилками тоски,
как непривычный гул сердцебиенья,
где влажные дрожали мотыльки...

И длился звон — не отводил руки
звонарь... А там, в прохладном сне...
О нет, я не хотела бы проснуться!
Менялось что-то в хвойной глубине,
не приведи, о Боже, шелохнуться —

круги с овалами не сопрягутся
и тайна не коснётся наших тел...
Но где-то на излёте сновиденья
раскрылись крылья в жадной пустоте,
оставив снов доверчивые тени
в хранилище небесных картотек.

И, словно на мифической арене,
в переплетеньях листьев и травы,
я разглядела в темноте прозренья,
не прибегая к разуму, увы,
кровосмешенье наших снов живых,
и мотыльки...

Я помнила о них!

ДЫМИТСЯ ЧАЙ

Дымится чай...

О, щедрый Бог деталей!

Лишь ты один владеешь всем сполна!

Тот поцелуй и терпкий вкус вина —

я без тебя припомнила едва ли.

И многое под северной луной,
что возбуждало память, слух и зреньё —
молитвенное всенощное бденье,
и жалобы младенца за стеной.

И то, что было маковым зерном
и цветом маковым, потом созрело,
сгорело и спалило чьё-то тело
безумным, беспощадным, смертным сном.

О Боже, не вини, не обмани,
не обольщай — мы так ничтожно слабы —
вожди, кумиры, мужики и бабы,
тебе свои доверившие дни.

Пусть вскрикнет птица, словно позовёт —
откликнется душа — она готова
забыть былое, возродится снова,
возможно, это только переход!

МОЛИТВА

Пусть только не прервётся разговор...
Ты мне опора — мой Отец небесный!
Уходят мысли в тайный коридор,
до твоего вселенского предместья.

Ты, повелитель снов и непогод,
и сущего создатель и хранитель —
ведь страждущий из рук твоих берёт,
а мыслящий Тобой — уже мыслитель.

И нет предела для твоих щедрот...
Бегу и плачу... Кинусь на колени —
не прерывай, Всевышний, мой полёт
в краю твоих пророческих видений!

О, как порою щедро ты давал,
всё то, о чём я некогда просила.
Мирских страстей несносный карнавал,
благодаря тебе лишь, выносила.

Не покидай, Отец, не покидай!
Моя слеза в твои уходит земли.
Благодарю за этот краткий рай
подаренный, который я приемлю,

И помоги сберечь бесценный дар —
нести твоё Божественное слово,
И сохрани любовь мою от чар
под светлой сенью своего покрова.

ПОВЕЛИТЕЛЬ СЛОВ

В. Е.

Мерещатся и сумерки, и пенье,
и те, скороговоркою, слова,
возможно, различные едва,
внезапные, ушедшие в забвенье...

Я не усну и отпущу в полёт
свои непредсказуемые мысли,
пускай они тугих коснутся высей,
и стынувшее Слово оживёт!

Сквозь голограмму веток, вразнобой,
зашелестят по следу твоему
виденья, неподвластные уму,
и станут звать тебя наперебой...

В озёрах, где всё свыше учтено,
наметится немислимый улов —
там завязи тебе покорных слов
совьются в нереальное руно.

Засветятся янтарь и бирюза...
Всё многоцветье соберу на нить
и стану дорогим своим дарить,
и чаще вспоминать твои глаза.

* * *

Всё растворяется в мистике вечера,
никнет жара в придорожной пыли,
ближние дачи стволами расчерчены,
роща мерещится где-то вдали.

Тело в испарине, сердце в предчувствии,
небо встревожено — близится тьма.
Ветренный ветер в испуге почувствовал —
кто-то неведомый сводит с ума.

Грохот неясный, как бред сумасшедшего,
в клевере пчёлы тревожно гудят,
чьё-то бельишко на леске развешено —
самую верной приметой дождя.

Двинулась тьма и пошла во все стороны,
гром, как судьба, — содрогнись и прими.
Кроны качнулись, да вскинулись вороны —
вышел Всевышний и хлопнул дверьми!

Дождь в одночасье нахлынул лавиной
прямо и вкось — за стеною стена...
В доме божественно пахнет малиною,
сумерки плачут навзрыд у окна.

Мы

Отбуйствовал последний листвою...
Трава ещё щетинится от градин,
но ширится безмерно голубой
край, восходящий из небесных впадин.

И Мы восходим! Только невдомёк
нам в этот миг, что с нами происходит.
Пусть чей-то поезд мчится на Восток —
гудок охрипший гасит на исходе.

Пускай на Запад Боингом летит
крутой комок этнического теста...
Закат над Русью выси золотит,
где нам с тобой уж точно хватит места.

Мы всем видны. Ты даже не перечь,
не сетуй, не листай назад страницы —
оправдывают Время сутью встреч
не многие из нас — лишь единицы.

Пределов нет. Мы — баловни Судьбы!
Жизнь не уйдёт, и будут мысли живы.
Штурмуют стены каменные лбы
и щебнем осыпаются в крапивы.

А мы ещё взойдём! И горизонт
окажется внизу туманным шаром.
И страха нет, но Властелин Высот
дарами не одаривает даром!

ПРОСТРАНСТВО ОЗАРЕНИЯ

Пространство ночи. Где-то пали ниц
спешащие за горизонт секунды,
но время, время точит. Нет границ
усердию его. И многотрудны
потуги всё собой заполнить...
Однако стоит потянуть за нить,
которую устал держать в руках —
всё пеплом станет, распадётся в прах.
Пространство сада. Возникает звук.
Возможно, это яблоко упало...
И в тишине рождается испуг,
которого она не ожидала.
И удивлён неполный лик луны
и звуку, и невольному испугу,
столкнувшейся со звуком тишины,
и звёздному магическому кругу.
Что я ищу в пространстве двух пространств?
И ночь, и сад живут в едином ритме.
Так мало в этом мире постоянств,
но приобщенье к утренней молитве —
одно из них — к нему стремится дух,
чтобы войти в пространство озаренья,
почувствовать экстаз и смысл, и звук
в невероятном высшем совмещенье.

* * *

Волчица ночи — Чёрная молва,
послушница в устах безумной черни,
мне, нелюбимой, льстят твои слова,
глумясь и скалясь, захлебнись, отвергни!

Мне всё равно, я принимаю мир
с тобой и без тебя — с любимым обличьем.
В тревожном небе, в жерлах чёрных дыр,
читаю всё — там ничего о личном...

Быть может, скоро млечная река
пробьёт протоки в дебрях запредельных,
как пробивает тьму невзгод строка,
хотя об этом позже... и отдельно...

Прольётся свет и обозначит даль,
очистится душа, и станет белым
февральский скит, и вымерзнет печаль,
и отстраненность будет править телом,

но до поры, до белого огня —
невидимого глазом Рубикона,
за коим сгинет Чёрная молва,
не долетит ни ропота, ни стона...

И кто-то, раздающий благодать,
уже не обойдёт своим участием.
До первых перемен рукой подать!
Не мной монетка брошена на счастье

в попытке уберечься от судьбы.
Уже горит неведомое слово,
не принимая знаков ворожбы,
не ожидая случая и зова.

Взойдёт неотвратимо, как рассвет,
и станет от дождей свежо и ново,
задышит, задымится первоцвет —
ещё никем не сказанное слово.

* * *

Растерянный кружится лист,
но далеко не улетает...
Я рядом — только обернись,
и вся печаль твоя растает.

Я знаю — ты не ожидал,
но всё случилось, как случилось.
И падал наш «Девятый вал»
на берегов песчаных милость.

Господь на волю отпустил
слова такой великой силы,
что если б ты не полюбил,
то я бы Слову не простила!

* * *

Заветный мой и независимый,
мой верный и бесценный друг,
мы достигаем истин мысленно
и тайно замыкаем круг,
в котором, недоступна зрению,
всей жизни суть заключена,
и извлекаем озарение,
как ту жемчужину со дна.

* * *

Мигнёт к востоку спелая звезда,
и будут сниться быль и небылица,
и замелькают в тёмном оке птицы,
гирлянды фонарей и города...

Вбирая тёмный мёд твоих ночей,
Италия, усну на побережье.
Песок остывший, шелковый, ничей,
стал только мой, и потому так нежен.

И пусть кому-то снятся январь,
пустынные дворы, где снег хозяин, —
Италия, замри и отвори
все выходы в миры твоих окраин.

Взметнулась птица — то судьба моя
внезапно приняла её обличье,
и с берегов другого бытия
о чём-то вдруг поведала по-птичь.

О том, что будешь Ты, и твой приход
подарит счастье и разбудит слово,
и италийской ночи звёздный мёд
уже для нас двоих прольётся снова.

ВНЕ ЗОНЫ ВРЕМЕНИ

(Поэма)

...Она грустит, немного горек вкус
не сдобренной арабикой рабусты,
за тающим окном жасмина куст
и голуби на лоджии — не густо,
но всё её! Уже свернулся сон,
и малосольный запах огуречный
не даст забыть о жизни быстротечной,
а редкий дождь заладит в унисон,
но за стеной взорвётся телефон,
сбивая с мысли и мешая речи.

...И только память по спирали, вниз
вдоль вереницы голосов и лиц,
унылых снов и лет полузабытых,
вдоль промельков случайных неудач,
под шум дождя, похожего на плач,
поймала Встречу в мельтешенье быта
и задержала времени поток...
В поющей полутьме царили звуки,
пропал и растворился потолок,
искали и нашли друг друга руки
и, видно, Бог соединил тела.
Пускай сегодня скажет кто-нибудь,
что там, над ними, был не Млечный Путь,
а блеклая и сумрачная мгла.

...У озера, прикармливая чаек,
она поймёт, что незачем спешить,
что каждый жест велик и не случаен,
и надо выжить, если хочешь жить.
Но почему, о Боже, так тревожно
и холодно, и некуда идти?..
Переплелись и спутались пути,
крапива зла и выход невозможен.
Ни с карты памяти, ни с ленты новостной
нельзя считать разрозненные кадры —
из рваных лоскутов не сложишь карты.
Апокалипсис не зовут войной!

...Зачем-то вспоминается Москва —
кипит асфальт и не видна трава,
арбатские кривые переулки,
кудрявые собачки на прогулке,
посольские гербы, дворы, стоянки,
смешное мельтешение машин,
недавно разорившиеся банки,
и не найти приюта для души...
Приходит ночь в окладе фонарей,
янтарный свет, не знающий дверей,
сочится сквозь оконное стекло,
смягчая ожиданье...

Он придёт —
негромкий голос, мягкое тепло...
Летит звезда, как сабля наголо!

...Она не знает, долго ль будет биться
её любовь растерянною птицей
в горящей клетке, в трепетном аду —
на счастье, на бессмертье, на беду.
Всё так похоже на приход строки,
готовой строфам положить начало...
О, это своеволие руки,
что ни за что уже не отвечала, —
скользила вдоль бессонницы и сна,
напряжена, блаженна и вольна...
Но всё уходит в сон. Тростник озёрный
зашелестит над тёмною волной,
виденья канут стайкою проворной,
неведомой прельщаясь глубиной...

...Так было — волны, ветер, валуны...
Она в ветровке и дрожит безбожно,
немеют губы, руки холодны,
секунды так безжалостно длинны,
что пережить мгновенье невозможно,
но ветки хруст, случайный вдох волны —
невыносимо точно сведены
Она и Он — так просто и так сложно!
И музыки — спасенье и печаль...
(Они уже печаль боготворили),
молчанием друг с другом говорили.
Шопен, Ноктюрн — начало всех начал.
И только тёплых губ его штрихи —
нежны, проникновенны и тихи,
могли наворожить девятый вал.

...На «Пьяной»* площади, у липкого стола,
засиженного мухами дотла,
она закажет только хлеб и чай,
и станет мысленно читать Канон...
Ей вдруг покажется — горит свеча
людских скорбей, у самого плеча,
и слышен колокольни дальний звон...
Потом она поднимется. Пора.
Уйдёт в печаль, в глазах погаснет день.
У самых ног раздвоенная тень
сосны — её души сестра.
Колючих звёзд маячат лепестки
вдоль лунного литого серебра,
и жгучей болью припадут стихи
к встревоженному кончику пера.

*«Пьяная площадь» (*народн. назв.*) — площадь в провинциальных городках с большим количеством пивных ларьков.

...Наивно в этом жутком мире ждать,
когда, порой, мгновенье до невестречи.
И всё. И некого обнять —
Ни взгляда, ни касания, ни речи...
Она надеется, что он придёт,
но знает — время торопить напрасно.
Меняется закат карминно-красный,
а тишину терзает вертолёт.
Бессонница опять вернётся в ночь,
как и вчера — её не превозмочь!
На столике в бокале — Хванчкара...
Откуда? — Просто времени игра.
А память, будто в ласковом аду,
так изощрённо мучает, так долго...
Лишь утро, в перламутровом бреду,
одарит молчаливо чувством долга.

...Ей показалось, что верней молчать.
Расходятся и сходятся пути. И вехи
отмерены Всевышним для потехи.
Пожалуй, лучше их не замечать
и пить вино, крылом касаясь ночи,
разгадывая жизнь по многоточьям,
по имени друг друга величать,
не ведая, что свидятся ещё.
О, эта жизнь — награда и расплата!
(Ей кажется, что сказано общо...)
Мы все уйдём? Ответ внутри вопроса.
Всё так медлительно и так непросто,
а та Свобода — игры на крови!
Не медли больше — уходи сейчас.
Там, где мелькнул луны кошачий глаз
пятном лукавым — не ищи любви.

...В обочинах крапива и шалфей,
за лобовым стеклом закат поблэк.
Так много неизведанных путей,
как жгучих слов и нереальных строк
среди хитросплетения дорог
от дома в никуда, где края нет,
где воздух выдыхаемый продрог,
пронзая темноту, Он ищет свет.
Как Он любим ему, расскажет лес,
сосновый дух, янтарная смола
и кромка остывающих небес...
Я этого придумать не могла!
Он был любим, однако, точно знал —
меж ними параллельные миры,
и в серенькое небо отпускал
надежды разноцветные шары.
И падала пугающая тьма —
затмение лун, затмение ума,
затмение обезумевших миров,
пусть даже параллельных, но готовых
рождать уродов, выжигать добро
и беспощадно убивать за Слово.

...Смеркалось. Запахи полыни
так низко вдоль обочин плыли,
казалось, рвали память на куски,
которые не складывались сразу,
как те, из текста выпавшие фразы,
как камешки из высохшей реки
и ставшие забытыми отныне.
Крутой водоворот бесовской лжи,
чернобыльских окраин миражи,
и тот, неотвратимый результат,
жесток и жалок, и исходит пеплом,
животным адским злом и сном нелепым
младенцев убиенных и солдат.
О, кальциевая тьма слепого лета!
На ужин — хлеб и травяные чаи.
Как в мир из скорлупы, как в храм из пепла
Её уходят мысли и мои.

...Опять бессонница, как бабочка ночная,
прижав к стеклу зелёный узкий глаз,
не даст уснуть.

 Себя не ощущая,
Она припомнит всё в который раз.
Сад позовёт — Она идти готова —
ожёг росы, растущая луна...
И, кажется, вся суть обнажена
немыслимого таинства ночного.
Тебе немного грустно, только грусть,
как памятного снега лёгкий хруст,
неровный лёд, слепящие огни,
скольжение по замкнутому кругу,
снежинки, словно тающие дни,
и вы, не разглядевшие друг друга...

...Больница, холод, пробуждение, боль —
всё, что отмеряно — познать изволь...
Струится мрак в неузнанной квартире,
или палате?.. Гроздь слёз цветут.
Застыла пуля в поднебесном тире
внутри ствола на несколько секунд,
но кто-то в белом тронул струны лиры.
Ты думаешь — преддверие конца?
Часы стекают по зеркальной грани,
не шелохнутся листья у герани,
и тянет руку кто-то без лица
вне зоны времени — на стереоэкране.
За призрачным стеклом снуют пираньи...
Твой бедный разум слаб внутри кольца
вселенского, садового, иного,
где не с кем слово обменять на слово,
и воздух сух, и листьев чешуя,
как память отболевшая твоя...
Октябрь расстается с ноябрём
скупым — «Прощай» — на языке своём.
Дождь моросит куда-то вдоль стекла.
Размыта колея воспоминаний.
Опять душа-подруга позвала
Туда, где жизнь прозрачнее стекла,
желанней...

...Предчувствуя, что разговор недолог,
метнула осень свой дождливый полог.
Цветы в окне, как белая ворона
из прошлых жизней. Не молчи, взгляни —
вдоль времени, вдоль мокрого перрона
бегут подслеповатые огни...
Там Он уходит в тесноту вагонов.
Поверь мне, он услышит — ты шепни!
Замельтешат за тоненьким стеклом
мгновенья, как аквариумные рыбки,
сентябрьских дождинок промельк зыбкий,
как той любви нежнейшее крыло
раскроется. Постой, прерви поток —
Уже светло!

...Не падай лист последний. Подожди!
Так воздух густ, что спящие дожди
дрожат в лиловых тучах, замирая
над выцветшей прохладой мостовых.
Лишь выскользнувший луч спешит, играя,
делить весь мир на ближних и чужих,
и никому не обещает рая.
Не падай лист! Ещё течёт тепло
не к нам и не от нас — в другие лета...
Почудилось, что встала на крыло
готовая оставить мир планета,
где разум спит, и торжествует зло,
где граффити на стенах стыннут кровью,
теряют смысл обычные слова...
Всё, что когда-то наполнилось любовью,
сегодня только теплится едва...
И ангел не стоит у изголовья.

...Что ж ты молчишь?
Очнись, откройся, спорь,
а не смотри поверх белёсых крыш,
лелея и выплакивая боль
в январскую простуженную тишь.
Чем ближе край, тем осознание дальше...
Смотри, как заждались поводыри
щемящих строк... Играй без фальши!
Немыслимое дерзко сотвори.
Пусть видят — край подушки в изголовье
бордов — душа исходит кровью,
а горечь слов настолько велика,
что плавится внезапная строка!

ПОЛЁТЫ В МЕТЕЛЬ

Уймись, непроходимая зима!
Мне от тебя — заложницей в маршрутке,
застрявшей в пробке — не сойти б с ума.
«Да будь ты хоть на сутки
покороче... Пожалей!
Я пережду, я задохнусь стихами
и графикой заснеженных аллей,
и знаком преткновения меж нами...»
За стёклами всё громче скрипы шин,
а ветер гонит снегопад убогий,
и снег, теряясь в кружеве машин,
сливается с отчаяньем дороги.
«О Боже, коль меня оставишь здесь —
в бездолье, тесноте и непокое,
где униженья ненавистна взвесь,
и знак движенья дорогого стоит,
то пусть мне ангел колыхнет крылом —
ты лишь ему позволил быть крылатым.
На суетной маршрутке, за стеклом,
я разгляжу его перед закатом».

* * *

За короткий полёт над светящимся шоу столицы —
не тоски и не радости, только внезапная грусть.
Слышу здесь, на Гагаринском, снега вчерашнего хруст,
где авто у обочин прижались, как сонные птицы.
У чугунной калитки, забыв семизначные коды,
проскользну, не тревожа ни звуком, ни скрипом замка.
О недавно ушедших, как истинных, помнят века,
так как помнят тебя эти лестницы, лифты и своды.
О, коварная память. Всё было как будто вчера,
так светло и безжалостно, словно не свидимся снова.
Я доподлинно знаю, что жизнь не простая игра,
а божественный промысел — горного чуда основа.

* * *

Ты такой холодный, как зима
дикого заснеженного края.
Прикоснусь случайно, и сама
в ледящем пламени сгораю.
Ну а если вдруг заговорю
с колкими февральскими вьюнами, —
лето, вопреки календарю,
августом качнётся между нами.
Падает небесный снежный пух
на твои белёсые ресницы,
и моей любви озябший дух
на ветвях лесов твоих искрится!

* * *

Когда метель, заставши нас врасплох,
бежит по трассе, торопясь, вприпрыжку,
в слепом азарте никого не слыша
и сея за собой переполох,

мне дремлет в салоне Жигулей.
И мысли беспокойные уходят,
теряются в мятежном небосводе,
пока снежинки пляшут на стекле.

Мой Ангел... Он давно к окну приник,
сопит во сне его курносый носик,
и бесноватый ветер мысли носит,
как потерявший разум проводник.

Но фея стратосфер несёт покой —
мятежные порывы утихают,
а за окном троллейбусы летают
и до Пречистенки подать рукой...

Проснулся Ангел, крыльями шуршит
и виновато трогает за плечи —
ну, мол, проспал. Ну, ничего, что вечер,
зато какой! — Отрада для души!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Слишком медленно,
слишком интимно,
между чёрных стволов декабря,
мимо улиц пустующих, мимо
виртуальности календаря
он летел, замирая и рея,
сквозь меня — как серебряный зов,
будоража, тревожа и грея
вместо рук твоих, губ твоих,
слов...

* * *

Мне холодно. Я забываю слово...
Напомни, как вернуться к берегам,
где плеск волны у тростника ночного
и медленный туман ползёт к ногам.
О, Боже мой, как трудно говорить —
под тёмною звездой угасло слово...
Теряется единственная нить
к твоим садам из бытия иного.
Готова чайкой закричать печаль
над опалённой нежностью былого!
Теряется и пропадает даль...
Прости меня — я забываю слово!

* * *

Если станут рассказывать мне, что декабрь — зима,
не поверю. Ещё не расписаны белым
нагие деревья и эти слепые дома,
и чёрные птицы на чёрном кричат оголтело.
Ещё за окном не остыла льняная вода.
Среди отсыревших небес не отыщешь просвета,
и наш разговор пересыпан крупинками льда,

что медленно гасят тепло мотылькового света.
Промолвлено слово, и голосу нужен покой.
В потёмках эфира теряются чистые звуки.
Напрасное время спешит в водостоках рекой
куда-то к холодным и тёмным озёрам разлуки...

* * *

Твой холод порою сродни вековым ледникам,
но столько печали в молчанье снегов бесконечных,
что даже в объятых не выпало встретиться нам,
и мается небо, и дремлет застывшая вечность.

Любимый, на севере где-то, в слоистых снегах,
намаявшись спячкой, тайга под ветрами очнётся,
и вспыхнут живые огни на чужих берегах,
небесная млечность седыми дождями прольётся.

Забудем про холод, уйдём по опасной тропе,
по стеблям хвощей, проступившим пока еле-еле...
Колдует Венера — уйдём по её ворожке
за вечным огнём, неприметным развилком апреля.

* * *

Зима к концу. Уже за середину
перешагнул замёрзший пешеход,
уже световорот подтаял льдину
моей реки в субботу из суббот,

в ту, предпоследнюю, когда по звуку
меня зима водила семь кругов,
и я твою вдруг ощутила руку,
не доходя до сна семи шагов...

Останься, не спеши... Тебе я имя
из древлерусских извлеку глубин —

возможно, назову тебя Владимир,
хотя зачем, когда ты — Константин.

Когда я не одна, когда февраль
сбивает к берегам обиды желчь,
я знаю, что стихов моих эмаль
способна заморозить и обжечь.

* * *

За снегопадом снегопад
слетает в сонную столицу,
и ночь, как строчка, наугад,
в приволье белое ложиться.

Душе так хочется лететь
вдоль узких улочек Арбата,
и пусть луны январской медь
подрагивает виновато.

Хоронится под снегом лёд,
вздыхая, тяжелеют крыши...
Но всё равно полынь и мёд
твоих признаний давних слышу,

и невозможной встречи жду,
снежинки лёгкие глотая,
бегу, теряясь на ходу,
и в колкой вьюге пропадаю.

СЛУЧАЙНАЯ ПРОСТУДА

Виденья беспорядочны. А сны
загадочны, нелепы и спонтанны...
Зима тайком глядит в окно весны
и видит побережье океана,

и слышит шум прибоя вдалеке,
из глубины сквозящего пространства...
Закрой прохладной простынёй зимы
меня, зима, не выводя из транса.
Мне слишком жарко, охлади, уйми
лукавую злодейку огневицу...
Огни пылают, плавают огни,
и сквозь дымы летят шальные птицы.

* * *

Не вспоминай. Пусть разомкнётся круг.
Остановись. Переверни страницу.
Почувствуй: первозданный снежный пух
в объём больной души твоей ложится.

О, как окрест становится светло,
как голубы встревоженные птицы,
глядящие в прозрачное стекло
земной зимы, как замиранье длится.

Ты, видно, веришь в чудо? Чудо — есть!
Простое, не похожее на смесь
банальных шуток, слышанных не раз,
наивных и избитых ложных фраз...

А чудо — просто яблоко в руках
твоих, как солнечный Сочельник.
Назавтра Рождество, украшен ельник,
светла звезда и голубь в облаках!

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Январь запоздалый, зачем же так рьяно
слепишь и морозишь, внушая покой?
Какой тут покой, если нынче ТАТЬЯНА —
прямой разговор между Богом и мной!

* * *

Февраль разглаживает пряди
тугими гребнями оград.
Мороз зимует в Петрограде,
и «Зимний» у него в осаде,
и заколдован Летний сад.

Но ждут ростральные колонны
на белом берегу Невы,
когда над ними в небе сонном
взойдут светло и невесомо
две огненные головы,

когда на воду лягут плоско
в густую черноту реки,
два ярко-жёлтых отголоска,
и тонкая луны полоска,
и звёзд короткие штрихи.

* * *

Совсем не ведая дороги,
иду одна в краю зимы.
Причудливы, тихи и строги
стоят над крышами дымы.

И кажется, что тишь от века
всем чутким таинством со мной —
шаг невесом, и даже ветка
не шелохнётся за спиной.

И будто все снега России
лишь мне, избраннице, видны.
Невдалеке полоской синей
легла к востоку тень сосны.

И так светло на белом свете,
что веришь — в той же белизне
кому-нибудь в ином столетье
зима пригрезится, как мне.

* * *

Зима откроет белые врата,
качнётся ель, замрёт в полёте птица,
и станет снегом падать высота,
и даже горизонт посторонится.

В неслыханной объёмной тишине
не разминуться шёпоту и крику.
Душа, сама с собой наедине,
воспримет всё, как тайную музыку.

И ощутив неведомую дрожь,
почувствовав страховку бесполезной,
ты так легко над пропастью пройдёшь,
что, оступившись, воспаришь над бездной.

КРЕЩЕНЬЕ

Обитель древняя — светла
и видно с птичьего полёта:
озёра — Бога зеркала,
вокруг раскинулись без счета.

И даже стылою зимой,
когда снега сковали воды,
в Крещение в толще ледяной
прорублен крест для небосвода.

Как освящённая вода
полна небесного кипенья!

И я уже на кромке льда
и слышу ангельское пенье,

а за спиною — купола
сияют Господу в угоду.
Сожгу свои грехи дотла,
и в обжигающую воду

по Божьей воле окунусь,
и по своей мятежной воле,
и белым голубем взметнусь
в земной встревоженной юдоли.

* * *

Ты говоришь: «Не заглядывай выше.
Что тебе этот ночной небосвод?..»
Жёлтые звёзды всё дальше. Всё ближе
этой лукавой луны поворот.

Вот и пурга принесла передышку...
Взглядом касаюсь махровых ветвей.
Чувствую, снег шелестит еле слышно,
звёзды прозрачнее, выси светлей.

Небо поманит в просторные ниши,
жалобно скрипнет надтреснутый наст...
Вижу младенчески белые крыши —
эту короткую жизнь без прикрас.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>МОЁ ПОНИМАНИЕ ПОЭЗИИ</i>	3
ИВАН-ЧАЙ.....	4
ЗАПАХ ИЮЛЯ	4
МУЗЫКА.....	5
ШОПЕН.....	6
АРЛЕКИН	6
НУ ЧТО, КОРОЛЬ?	7
СТИХИ (Сонет)	7
«Может быть, вечер, может быть, вечность...»	8
«Какая тьма! Вершится полночь...»	8
«Когда превыше всех касаний...»	9
ЭТО ТОЛЬКО ВОДА	10
ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	10
«Кого спасает чай вечерний...»	11
МОТЫЛЬКИ	12
ДЫМИТСЯ ЧАЙ.....	12
МОЛИТВА	13
ПОВЕЛИТЕЛЬ СЛОВ.....	14
«Всё растворяется в мистике вечера...»	15
МЫ	16
ПРОСТРАНСТВО ОЗАРЕНИЯ	17
«Волчица ночи — Чёрная молва...»	17
«Растерянный кружится лист...»	19
«Заветный мой и независимый...»	19
«Мигнёт к востоку спелая звезда...»	20
ВНЕ ЗОНЫ ВРЕМЕНИ (Поэма).....	21
ПОЛЁТЫ В МЕТЕЛЬ.....	29
«За короткий полёт над светящимся шоу столицы...»	29
«Ты такой холодный, как зима...»	30
«Когда метель, заставши нас врасплох...»	30

ПЕРВЫЙ СНЕГ	31
«Мне холодно. Я забываю слово...».....	31
«Если станут рассказывать мне, что декабрь — зима...».....	31
«Твой холод порою сродни вековым ледникам...».....	32
«Зима к концу. Уже за середину...»	32
«За снегопадом снегопад...»	33
СЛУЧАЙНАЯ ПРОСТУДА	33
«Не вспоминай. Пусть разомкнётся круг...»	34
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	34
«Февраль разглаживает пряди...»	35
«Совсем не ведая дороги...»	35
«Зима откроет белые врата...»	36
КРЕЩЕНИЕ	36
«Ты говоришь: Не заглядывай выше...»	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

Татьяна Мартиновна Кайсарова
ПОЛЁТЫ В МЕТЕЛЬ
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор – Евгений Степанов
Выпускающий редактор – Нина Давыдова
Компьютерная вёрстка – Марина Кива

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 02.02.2015
Подписано в печать 17.02.2015

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75